

«Прелестницы»

Автор:

Мария Метлицкая

«Прелестницы»

Мария Метлицкая

«Ася и Соня достались Жене в наследство от бывшего мужа при разводе. Правда, не сразу, но это только по ее вине.

Прожив с мужем три года и родив дочку Марусю, они спокойно и разумно решили развестись, как-то одновременно заметив, что страсть кончилась, а любовь почему-то так и не началась. Разводились без обычных эксцессов: когда-то сошлись по взаимной симпатии и уважению, прожили легко и беззаботно недолгие годы и так же легко расстались. В благородстве друг друга не сомневались (а по-другому было в их среде не принято). С его стороны это был беспрепятственный раздел небольшой двухкомнатной (его же, кстати) квартиры – ему при этом доставалась комната в коммуналке, а Жене с Марусей – однокомнатная квартира. С ее, Жениной, стороны – тоже беспрепятственное общение отца с дочерью и хорошие, дружеские отношения...»

Мария Метлицкая

«Прелестницы»

Ася и Соня достались Жене в наследство от бывшего мужа при разводе. Правда, не сразу, но это только по ее вине.

Прожив с мужем три года и родив дочку Марусю, они спокойно и разумно решили развестись, как-то одновременно заметив, что страсть кончилась, а

любовь почему-то так и не началась. Разводились без обычных эксцессов: когда-то сошлись по взаимной симпатии и уважению, прожили легко и беззаботно недолгие годы и так же легко расстались. В благородстве друг друга не сомневались (а по-другому было в их среде не принято). С его стороны это был беспрепятственный раздел небольшой двухкомнатной (его же, кстати) квартиры – ему при этом доставалась комната в коммуналке, а Жене с Марусей – однокомнатная квартира. С ее, Жениной, стороны – тоже беспрепятственное общение отца с дочерью и хорошие, дружеские отношения.

Квартиру Женя выбирала долго; не потому, что капризничала, – просто очень хотелось хорошего, тихого места. Уже нажились и намучились на шумном Ленинградском проспекте. А когда приехала на Юго-Запад и вышла из метро, то, глубоко вдохнув, поняла, что сама квартира ее мало интересует. Это было ее место.

Неожиданно и в этом повезло: квартирка небольшая, но уютная, совсем чистая, а главное – всеми окнами на знаменитую зеленую рощу. И балкон! Женя потом смеялась, что Маруська спит головой в квартире, а ногами в роще. И когда уже бывший муж перевозил ее с нехитрым скарбом и вышел на балкон покурить, похвалил Женю, искренне порадовался за нее и Маруську. И, присвистывая, вдруг вспомнил:

– Слушай, а ведь здесь у меня две тетки живут! Ну совсем дальние родственницы, божьи одуванчики, даже чуть ли не в этом доме!

Дом и вправду был непомерный в длину, на целую троллейбусную остановку. Бывший муж все это помнил плохо, был здесь в последний раз еще юношей с матерью, рано умершей от болезни крови.

Женя обжилась быстро, все ей пришлось по душе. Вдвоем с мамой худо-бедно побелили, освежили потолки, поклеили новые обои, какие смогли достать, покрасили масляной краской окна. Рукодельная Женя сшила шторы на кухню – крупная красно-белая клетка – и такие же подушки на стулья. Из Прибалтики мамина сослуживица привезла красный пластмассовый абажур на витом шнуре. Получилось здорово. Женя была счастлива.

Свои небольшие акварели, в основном цветы, теперь она кропала вечером на кухне под уютным абажуром или в плохую погоду днем, когда нельзя было

гулять с Маруськой в роще. Они эти прогулки обожали. Сначала Маруська спала положенный ей час в прогулочной коляске, потом ковырялась в песочнице с совком и формочками – у нее уже была своя компания. Потом с руки кормили белок, в лесу их было множество.

Женя разговоров избегала, где-нибудь поодаль читала одним глазом журнал, другим – прицельно смотрела на Маруську. Вот тогда-то и начала она почти ежедневно встречать эту парочку, Шерочку с Машерочкой, как поначалу мысленно она их окрестила. А потом они начали раскланиваться, и она прониклась к ним симпатией и называла уже пожилыми девушками – ибо на «старух» они совсем не тянули, да и на дам (это в Женином представлении было что-то статное и величественное) тоже.

Были они обе небольшого роста, примерно одной худощавой комплекции (хотя младшая, Соня, всегда считала себя изящнее, это у нее называлось «тоньше в кости»). Одеты были почти одинаково: летом – легкие крепдешиновые платья, вязанные из полотняных ниток шляпки-панамки. Но у младшей, Сони, на шляпке был обязательно вышит кокетливый цветок или приколоты пластмассовые вишни. На стройных и ладных, почти девичьих ногах были надеты шелковые носки и светлые босоножки с кнопочкой. У младшей, Сони, был обязательно напудрен нос и на шее непременно аксессуар – бусы, все, что поставляла тогда индийская промышленность.

Обе были слегка надушены пряным, каким-то прежним, неизвестным Жене ароматом. Каждая несла полотняный стульчик со спинкой и плетеную корзинку, где лежали обязательная книга для старшей сестры (что-нибудь из классики) и толстый литературный журнал – для младшей, она обожала новинки, пара яблок и бутылка холодного чая.

Раскланявшись с Женей на аллее, обменявшись любезностями о погоде, они уходили в глубь леса, в тишину, подальше от гвалта детворы. Было очевидно, что живут они вместе, обе не замужем и, скорее всего, бездетны. Однажды они столкнулись с Женей при выходе из леса, и Женю, которая поняла, что живут в одном, длинном, как состав, доме (она – в начале, они – в конце), наконец осенило, что это и есть две дальние родственницы бывшего мужа, те самые старые девы, божьи одуванчики. Она им об этом сказала, а они всплеснули руками, долго ахали и удивлялись, обменялись телефонами и пригласили Женю в гости.

Обе, особенно младшая, Соня, были искренне рады и приняли Женю как-то сразу за родственницу, хотя даже Женин бывший муж был им «седьмая вода на киселе». Теперь, когда они встречались в роще, подолгу беседовали, сдержанно восхищались Марусей, спрашивали, не привезти ли чего-нибудь из центра (за продуктами они ездили в «город», на Горького). Просили не стесняться и обращаться за помощью. Ей – к ним?! И смех и грех.

Хотя как иногда хотелось сбегать вечером в кино или просто пошататься по центру, уложив Маруську (мама жила далеко, в Кузьминках)! Но Женя понимала, что нарушать привычный ритм сестер и вторгаться в их жизнь она не имеет никакого права.

Впрочем, однажды все-таки она пришла в их дом, беспокоившись, что два дня не встречает их на «променаде». Она позвонила и услышала, что обе они больны: старшую, Асю, прихватил радикулит, младшая, Соня, где-то простыла. Женя попросила разрешения их навестить и, уложив Марусю пораньше, взяла вьетнамскую «звездочку», банку с малиной (заначка от Маруськиных долгих зимних простуд), пачку дефицитного индийского чая, лимоны и отправилась вдоль их бесконечного дома в гости к своим «пожилым девушкам». Поохав и смущенно приняв Женины дары, сели пить чай в большой комнате за круглым столом.

В этой комнате обитала старшая, Ася. Здесь было все строго и раритетно. Наследный ореховый сервант, наполовину заполненный книгами и остатками разрозненного гарднера и мейсена, почти вольтеровское вытертое бархатное зеленое кресло и темное, почти черное трюмо с резными лилиями и съеденной временем амальгамой. На трюмо стояли фарфоровая дамочка с отломанным зонтиком и тяжелая хрустальная, с серебряной крышкой, пудреница. И еще шкатулка из ракушек с надписью «Крым. 1915». На стене висел натюрморт, какая-то копия с чего-то известного, но забытого Женей, потертый китайский ковер («папа привез его из Китая в тридцать третьем году»). А на окне висели слишком тяжелые, старые, когда-то золотистые бархатные шторы с кистями.

Спала Ася на высокой кровати с резным деревянным изголовьем. А вот у Сони все было легче и современнее. Главная гордость – доставшийся по блату немецкий бар-торшер, который, конечно же, не использовался как бар: там хранились толстые альбомы с фотографиями, современная тахта, покрытая клетчатым пледом, легкие чешские полки в шахматном порядке, забитые любимыми книгами и журналами, большой телевизор (старшая сестра слушала

радио), а на полу – пестрый гэдээровский палас. И шторы легкие, из серебристого тюля. В общем, при всей внешней схожести было очевидно, что сестры – люди разные, с абсолютно разными характерами и мироощущением.

Пили чай, смотрели альбомы. Сестры (в который раз!) с удовольствием, Женя – рассеянно. Она не любила чужие фотографии. И еще она слегка нервничала, что вдруг проснется Марусяка.

На одной фотографии она «споткнулась» взглядом – увидела известного, даже очень известного театрально-киношного артиста с лицом старого, лысоватого Пьеро. Оказалось, их гордость – двоюродный племянник, сын давно умершего брата. В общем, единственный (не считая Жениного бывшего мужа) родственник. Этого племянника-артиста они обожали, боготворили, страшно гордились причастностью к нему и общей фамилией. Он позванивал тетушкам примерно раз в три недели, правда, четко, и в эти дни они обе крутились возле телефона, каждая в надежде, что именно она схватит первой трубку и он именно ее одарит своим трехминутным вниманием. И дежурным вопросом, не нужно ли чего.

А это значило, что они не одиноки и что о них есть кому заботиться. От его помощи они, конечно, отказывались, понимая, что это вопрос скорее риторический, но были счастливы и возбуждены еще пару дней, обсуждая между собой его самого, его точный звонок и – в который раз! – его роли. Здесь у каждой были свои пристрастия и свои мнения. Вообще-то, не считая этих редких встрясок и незначительных в ту пору новостей страны и мира, переживаемых более бурно младшей, Соней, и более сдержанно – старшей, Асей, жизнь их текла совершенно размеренно и по четкому, привычному плану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mariya-metlickaya/prelestnicy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)